

В. Г. Чернуха

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 60—70-х гг. XIX в.

Шестидесятые-семидесятые годы XIX в. — особый этап в истории России. В социально-экономической области это начало быстрого развития капитализма вслед за падением крепостного права, в сфере общественного движения — наступление разночинского его периода. Две революционные ситуации открывают и завершают его, первая, на рубеже 50—60-х гг., на политической авансцене которой находились революционные демократы, и вторая, на рубеже 70—80-х гг., когда революционную борьбу против самодержавия вели революционные народники. Между ними лежит полоса буржуазных преобразований, проводившихся самодержавием в разное время с разной интенсивностью, но неизменно под давлением экономической необходимости и общественной борьбы, полоса общественного противоборства вокруг проблем путей развития России. Одновременно 60—70-е гг. — время бурного развития русской публицистики, становления новых ее видов и форм, расширения проблематики, появления плеяды талантливых публицистов, лучшие из которых принадлежали к передовому, демократическому лагерю — Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, М. Л. Михайлов, Н. К. Михайловский, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов. В начале рассматриваемого периода — в результате различного классового подхода к решению социальных и общественных проблем — происходит резкое размежевание между демократами и либералами, образование двух общественных лагерей, с тех пор находившихся в постоянном противостоянии. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил», — так определил В. И. Ленин содержание процесса размежевания.¹ Он осознавался уже современниками, участниками его. Н. Г. Чернышевский летом 1861 г. писал об этом со всей определенностью в статье «Полемические красоты», обнажавшей либеральное направление «Русского вестника» и «Отечественных запи-

сок», где констатировал не только «расхождение», но уже и «борьбу» между прежними союзниками.² Тогда же об «окриках» и «обвинениях» со стороны этих же журналов по адресу демократической журналистики с ее «резким, критическим» направлением писал в «Схоластике XIX века» Д. И. Писарев.³ Процесс размежевания, начавшийся еще в конце 50-х гг., был подхлестнут в 1861—1862 гг. В первом номере «Современника», вышедшем после приостановки, М. А. Антонович подробно остановился на факте расширившейся за это время пропасти между двумя лагерями. «Единство в целях и единоплешие в стремлениях исчезло; возникли несогласия относительно того самого пункта, который прежде соединял всех», — резюмировал он.⁴

Истоки стремительного развития русской публицистики 60—70-х гг. коренились в той обстановке общественного подъема, который был вызван внезапно обнаружившейся глубиной социально-экономической отсталости России и вставшим перед каждым думающим человеком вопросом о причинах внутреннего кризиса и путях его преодоления. Анализом общего состояния России, отдельных сторон ее экономики и политики, социальной, общественной и духовной жизни, поиском средств от разного рода «недугов» и занялась русская публицистика. В середине 50-х гг. русская подцензурная печать находилась в крайне стесненном положении: частных газет почти вовсе не было, общественно-политические и литературные журналы можно было перечесть по пальцам, публицистика из них старательно изгонялась. Жгучая потребность в свободном обсуждении насущнейших проблем породила в то время форму рукописной записки, имевшей широкий круг обращения. А. И. Герцен, «великая заслуга» которого заключалась в основании им в 1853 г. Вольной русской типографии, где он печатал прокламации, альманахи, с 1857 г. журнал «Колокол», нарушившие «рабье молчание»,⁵ чтобы способствовать делу освобождения России от самодержавного и крепостнического гнета, начал в своей типографии печатать и часть поступавших из России рукописей. В условиях массового распространения неподцензурных герценовских изданий и рукописной литературы, развития общественного движения самодержавие оказывается вынужденным расширить возможности подцензурной публицистики. Даются разрешения на учреждение новых журналов — «Русского вестника», «Русской беседы», «Экономического указателя», «Атenea», «Журнала землевладельцев», «Сельского благоустройства», «Русского слова», «Искры», создание в них отделов иностранной и внутренней политики. Существовавшие под разными и зачастую меняющимися названиями «внутренние обозрения» стали важнейшими публицистическими разделами журналов, откликающимися на текущие события внутренней жизни. Оживляется деятельность существовавших и ранее журналов. Расцветает публицистика некрасовского «Современника», в редакции которого первенствующую роль начинают играть Н. Г. Чернышевский и вошедший в редакцию в 1858 г. Н. А. Добролюбов. Они стали

самыми деятельными и талантливыми проводниками идей революционной демократии. «Последовательные демократы», — говорил о них В. И. Ленин, «мужицкий демократизм», — так характеризовал он их идеологию.⁶ Н. Г. Чернышевский, писавший по самым разнообразным вопросам литературы, истории, политэкономии, философии, эстетики, неизменно обсуждал их как публицист, связывая с текущей политикой, подводя к злобе дня и считая твердую гражданскую позицию обязательной для каждого честного журналиста. Его взгляды на обязанности публициста были выражены им в статье «Г-н Чичерин как публицист»,⁷ отвергавшей проповедуемые этим либералом мнимые отстраненность, беспристрастность, объективность писателя, выступающего по общественно-политическим вопросам. Для Н. Г. Чернышевского такой журналист — не затворник, а трибун, выясняющий потребности общества в данную минуту, защитник чьих-то конкретных интересов. В статьях «О новых условиях сельского быта»,⁸ «Труден ли выкуп земли?»⁹, «Материалы для решения крестьянского вопроса»,¹⁰ «Критика философских предубеждений против общинного землевладения»¹¹ он и выступает адвокатом интересов русского крепостного крестьянина и одновременно трибуном, ратующим против социального зла и несправедливости. Так же последовательно выражал и отстаивал интересы трудового люда Н. А. Добролюбов, обличавший «дармоедство» во всех его проявлениях и показывавший ценность «людей трудящихся» (например, в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым»)¹². Раскрытию общественной индифферентности, вялости, недееспособности дворянской интеллигенции служила его критическая статья «Что такое обломовщина?»¹³ Статьи «Темное царство» и «Луч света в темном царстве»¹⁴ развенчивали другой «дармоедский» социальный слой — купечество, с его властью денег, самодурством, косностью, тиранством над людьми зависимыми. Голос революционеров-демократов находил большой отклик в русском обществе, особенно в среде молодежи.

Русская публицистика второй половины 50-х гг., во всех ее формах, обнаруживает свою политическую и социальную зрелость. Широкий спектр проблематики русской публицистики этого времени был отмечен Н. А. Добролюбовым как одна из характернейших ее черт. «Публика» заговорила обо всем, а литература, получившая «общественное значение», откликнулась на это десятками статей о железных дорогах, таможенном тарифе и свободе торговли, «состоянии земледельческого класса», свободном труде, задачах воспитания, пороках чиновничества.¹⁵ Именно во вторую половину 50-х гг. были заложены обычаи всестороннего, многопланового обсуждения общественно-политических проблем, в том числе и внутренней политики, которые затем были унаследованы 60—70-ми гг.

При всем том, что проблематика публицистики охватывала, несмотря на существовавшие (и многочисленные!) запреты, все грани внутренней политики, каждый из временных отрезков имел

свою, главную именно для данного момента тему. Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. таковой была отмена крепостного права, которая непосредственно затрагивала свыше 20 млн. крепостного населения и более чем 100 тыс. помещиков, а опосредованно и все население такой аграрной страны, как Россия, где крепостничество являлось главным тормозом развития. Если в самом начале периода в качестве насущнейшего выдвигается вопрос о необходимости отмены крепостного права, то с течением времени, особенно в конце 1857 г., когда правительство обнародовало намерение приступить к разработке проектов, в многочисленнейших сочинениях начинается обсуждение самих условий реформы. Все исследователи, занимавшиеся историей России времен первой революционной ситуации, в той или иной степени обращались к публицистике по крестьянскому вопросу — отмене крепостного права — главного вопроса того времени, только с разных точек зрения. Одних интересовал ход подготовки реформы 1861 г. и изменение ее программы (П. А. Зайончковский, Л. Г. Захарова), других — течения в русской общественной мысли (Н. Г. Сладкевич), третьих — позиция отдельных изданий и публицистов, в том числе и в этой важной проблеме (Л. Э. Варустин, Ф. Ф. Кузнецов, Н. М. Сикорский).¹⁶ В последнее время Е. А. Дудзинская сделала попытку синтезировать в общую картину всю публицистику по крестьянскому вопросу, представив ее в виде нескольких платформ,¹⁷ а всю предреформенную журналистику в группы: журналы правые, славянофильские, западнические и революционно-демократические.

На крайнем правом фланге журналистики, отстаивая узко эгоистические интересы помещиков-крепостников, находились «Журнал землевладельцев» и «Земледельческая газета». Эти издания, помещая массу материалов, авторами которых были исключительно помещики, искали такую форму отмены крепостного права, которая принесла бы им максимум выгод. И находили ее в прикреплении крестьян к земле, предоставлением им такого надела, который удерживал бы от ухода из деревни, но одновременно обуславливал полную их зависимость от прежнего помещика, диктующего свои условия.

Либеральная — западническая и славянофильская — журналистика была настроена гораздо более осторожно и не забывала о необходимости успокоить находящееся в состоянии движения крестьянство, требуя у крепостников добровольных уступок. Она занималась критикой «крайних» точек зрения, проповедовала мирный, реформистский путь, выражая взгляды помещиков, готовых идти буржуазным путем.

Славянофильские журналы («Русская беседа», «Сельское благоустройство») в центр своих построений ставили общину, мир, отстаивали ее сохранение. В полемике с другими изданиями они высказывались за постепенно проводимую реформу с наделением крестьян землей за выкуп. Общинная организация землевладения и самоуправление должны были обеспечить крестьянину

постоянный земельный надел, взять на себя управленческие функции, принадлежавшие помещикам и бюрократии, обеспечивая внутреннюю стабильность с помощью общинного самоуправления.

Журналы западнической ориентации («Русский вестник», «Атеней») наиболее последовательно отстаивали интересы капиталистического развития деревни, предпочитая индивидуальное землевладение и свободу предпринимательства. Они предлагали осуществить выкуп земли с помощью государства, отвести крестьянину надел, максимально приближающийся к дореформенному, предоставить ему гражданскую полноправность, необходимую для предпринимательской деятельности.

Всем этим изданиям противостояла революционно-демократическая публицистика («Колокол», «Современник», «Русское слово», «Искра»), единственная представительница интересов крестьянства, открыто (как «Колокол») или эзоповым языком (как «Современник») доказывавшая право крестьянина на безвозмездное наделение землей и всю полноту гражданских свобод. Обеспечение гражданских прав крестьян и их экономического благосостояния возможно только, подчеркивала демократическая публицистика, при демократизации государственного и общественного строя.

Осуществление крестьянской реформы не сняло крестьянский вопрос как ведущую тему публицистики. Он принадлежал к вечным, постоянно, но с разной степенью интенсивности разрабатывавшимся всей публицистикой.¹⁸ Но было одно течение в печати, которое избрало крестьянина — «мужика» — главной темой своих размышлений и рассуждений — демократическая публицистика.

Из социальных вопросов, все время дискутировавшихся в русской политической прессе этого времени, на втором месте находился дворянский вопрос, неотрывный от крестьянского, аграрного вообще, от проблемы сословий. Время от времени, в связи с каким-либо событием, иногда даже просто выступлением публициста, наиболее резко его поставившего, дворянский вопрос выходил на передний план, привлекая всеобщее внимание и заставляя высказаться сторонников разных точек зрения. Обсуждение дворянского вопроса началось еще перед реформой, преимущественно как часть проблемы отмены крепостного права и характеризовалось не только ростом числа выступлений либералов, но и тем, что за перо, убедившись в реальности грозящей им перспективы утраты части экономического могущества, берутся люди, накрепко с крепостным правом связанные, люди правых убеждений, негодующие на бюрократию и самого императора за политику «ущемления» прав дворянства. Особенно заметны в этой связи выступления Н. А. и М. А. Безобразовых, В. П. Орлова-Давыдова, этих известных деятелей аристократической фронды.

После отмены крепостного права, в 1861—1862 гг. акцентировка дворянского вопроса несколько меняется, он становится самостоятельной социальной проблемой. Дискутируется тема о со-

хранении прав дворянства как сословия в будущем общественном и государственном устройстве.

Выдвижение в это время дворянского вопроса в качестве острейшей дискуссионной темы было обусловлено двумя обстоятельствами: обнародованием Положений 19 февраля 1861 г., определивших применительно к разным местностям поземельные отношения крестьянина и помещика и созывом в конце 1861 — начале 1862 г. дворянских собраний, где дворянство могло представлять за себя уже как сословная группа.¹⁹

Обсуждение дворянского вопроса на страницах журналов тянулось весь 1861 г. Много места уделялось теме мировых посредников, дворян, избранных помещиками из своей среды в качестве арбитров в отношениях помещиков и крестьян, составителей уставных грамот. Неожиданно дискуссия ожесточилась. Произошло это вследствие полемичного выступления в декабре 1861 г. И. С. Аксакова в только что начавшей выходить газете «День» со статьями о будущем дворянства,²⁰ где он объявил миссию дворянства как сословия с упразднением крепостного права исчерпанной и предложил дворянству самоупраздниться. Разумеется, это расшевелило и без того озабоченное своими судьбами поместное дворянство, не только не желавшее своей социальной смерти, но жаждавшее получить максимум компенсации за свои сословные «утраты».

В ходе этой дискуссии, начавшейся ранее, но разоженной Аксаковым до такой степени, что она сильно обеспокоила правительство, высказались публицисты самых разных направлений: от Н. А. Безобразова, настаивавшего на неприкосновенности Жалованной грамоты дворянству, нерушимости прав дворянства и доказывавшего благотворительную и культурническую его миссию в эпоху крепостного права, до Кошелева, частично поддерживавшего Аксакова. Центр занимали Б. Н. Чичерин и М. Н. Катков, считавший, что время должно заменить горизонтальные сословные пласты вертикальными: политическими группировками, куда войдут люди разных сословий, но общих убеждений, образовав «партии». Дискуссии о дворянстве обязаны появлением целого ряда крупных произведений, наиболее полно характеризующих общественную мысль и общественные настроения того времени.²¹ Дискуссия велась на страницах «Современника», «Нашего времени», «Современной летописи», «Дня», «Русского вестника» и других изданий.

Правительство оказалось вынужденным для умиротворения растревоженного дворянства опубликовать в своей газете «Северная почта» заявление, что оно ждет от дворянства — как от «первого между сословиями» — полезной деятельности в новых условиях и что оно готово оказать дворянству экономическую помощь.²² Поскольку в это время дворянство встречалось с отказами крестьян нести издельную повинность (прежнюю барщину), то с целью ускорения развязки обязательных отношений министр внутренних дел спешно проводит закон о расширении выкупа.

В начале 60-х гг. в публицистику входит как новая социальная тема — рабочий вопрос. Ее разрабатывают либеральные ученые-экономисты, такие, как В. П. Безобразов, Н. Х. Бунге, И. В. Вернадский, Е. И. Ламанский, Ф. Г. Тернер. Изучение это сосредоточивается главным образом в Вольном экономическом и Географическом обществах. Некоторые из них (В. П. Безобразов, И. В. Вернадский) выступают и как публицисты.²³ Обсуждение его ведется в разных аспектах. Делается попытка представить русскому читателю состояние рабочего вопроса в развитых странах Европы, содержание стоящих там задач, и в то же время показать положение наемных рабочих в России и вытекающие из этого проблемы. В 1864 г. появились две статьи, освещающие рабочий вопрос в двух различных странах. Так, Г. де-Молилари о рабочем вопросе современной Франции²⁴ говорил главным образом о предложении социалистов решить рабочий вопрос с помощью рабочих ассоциаций, берущих на себя управление производством и тем самым ликвидирующих систему эксплуатации. Молилари специально остановился на разных принципах организации промышленных предприятий для того, чтобы доказать, что в капиталистической системе нет места для осуществления планов социалистов, что их предложения оторваны от действительности и осуществление их может только разрушить производство.

Статья же В. П. Безобразова имела своей задачей освещение положения подмосковных ткачей, одной из наиболее многочисленных групп русского рабочего класса.²⁵

Рабочий вопрос как одну из стоящих перед Россией социальных проблем постоянно рассматривали журналы демократического направления, споря о степени остроты рабочего вопроса, о перспективах его решения в России.²⁶ Для демократической публицистики, рассматривавшей рабочий вопрос в его развитии главным образом на материале Западной Европы, важнейшей была тема социального освобождения пролетариата,²⁷ в то время как либеральная была занята преимущественно обсуждением темы правового регулирования отношений рабочих и нанимателей.

Среди социальных проблем, которыми занималась публицистика, была и проблема чиновничества, которая не всегда рассматривалась лишь в социальном аспекте, но часто и как часть проблемы реорганизации государственного управления. Бюрократизм, порождаемый огромной армией чиновников, считался спутником самодержавия с его системой централизации, иерархичности, подчиненности. Одним из первых в рассматриваемый период поставил с либеральных позиций вопрос о роли чиновничества Н. А. Мельгунов в своей статье «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России». Один из разделов статьи носил название: «Пишущая армия».²⁸

Мельгунов рассматривал чиновничество — эту «пишущую армию» — в связи с поставленной им задачей подведения печальных итогов николаевского царствования и пришел к выводу о том, что в чиновничестве коренится одна из причин отсталости России.

С точки зрения Мельгунова, чиновничество — это непроизводительный поглотитель больших средств, отвлекающий большое число молодых людей от производительного труда. Средства нации, затрачиваемые на чиновничество, питают группу людей, полуобразованных, зато преисполненных претензий, интересы нации не отражающих, от нее оторванных. Чиновничество и канцеляризм, показывал Мельгунов, возникли не сразу, не сегодня, но выросли количественно и стали особенно вредоносными именно в последнее царствование. Произвол, непомерное развитие делопроизводства, замена дела бумагой — вот те некоторые лишь проблемы, которые порождает существование чиновничества в его современном облике. Среди предлагавшихся Мельгуновым мер, способных улучшить положение в управленческом аппарате и оздоровить чиновничество, в качестве важнейшей фигурировало развитие гласности.

Проблема чиновничества в значительной мере ставится затем в так называемой обличительной литературе, вскрывавшей отдельные изъяны взяточничества, крючкотворства, произвола чиновников. Правительство и сам император очень болезненно относились к критике чиновничества, считая, что она подрывает авторитет властей. Поэтому ей не только ставились препятствия, издавались специальные циркуляры, но цензурным органам давались директивы о необходимости пропаганды идеи «неприкосновенности самодержавия и его аппарата» (апрель 1859 г.).

В дальнейшем проблема бюрократии, чиновничества неизбежно связывается в публицистике с проблемой государственного переустройства.²⁹ Для понимания того, как революционная демократия ставила проблему бюрократии, чрезвычайно важны «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского, показавшего, что «бюрократический порядок» является порождением самодержавия, его культивирующего. Отсутствие «независимости», непременно присоединение к мнению «старшего члена», «произвол», отрыв от «общественного мнения» — вот его характерные черты.³⁰

В начале 60-х гг. происходит процесс интенсивного газетного учредительства, оказавший существеннейшее влияние на характер публицистики. До этого времени публицистика была преимущественно журнальной, со всеми присущими ей особенностями: сравнительно запоздалой реакцией на текущие события, более крупными формами, основательностью аргументации. Газетная публицистика была гораздо более оперативной, мгновенно откликающейся на события, ежедневно воздействующей на читателя, но главным образом в виде статей небольшого размера, отличающихся в силу этого конспективностью, большей категоричностью, агитационностью. Период бурного газетного учредительства приходится на 1861—1863 гг. После этого русская публицистика становится в большинстве своем газетно-журнальной, сочетающей в себе и подвижность газетной, и основательность журнальной.

Начало массовому частному газетному учредительству кладет еженедельная газета И. С. Аксакова «День», первый номер которой

вышел в октябре 1861 г. и которая издавалась в Москве до 1865 г. (Ее тут же сменили «Москва», а затем «Москвич»). Газета была универсальной: политической, литературной, экономической. Много работавший в своей газете как публицист Аксаков разрабатывал темы внутренней политики как в специальных статьях, так и в передовых, являясь одним из основателей этого публицистического жанра. Аксаков помещал много статей (часть из них он писал сам) по разным вопросам: национальному, религиозному, о свободе печати.³¹

С начала 1862 г. начинает издавать свою газету «Наше время» по расширенной программе и с увеличенной периодичностью Н. Ф. Павлов. Он сумел привлечь к сотрудничеству в газете Б. Н. Чичерина, в 1862 г. особенно много писавшего по вопросам государственного устройства и дворянскому. Газета Павлова существовала на правительственные субсидии и находилась в зависимости от министра внутренних дел Валуева. Н. Ф. Павлов был одним из первых (наряду с Катковым) публицистов, кому в 1862 г. было позволено начать полемику с А. И. Герценом, имя которого до того было под запретом.

В 1863 г. начинает издаваться А. А. Краевским, первоначально при финансовой поддержке правительства, общественно-политическая газета «Голос», ставшая одной из наиболее влиятельных петербургских газет отчасти в силу своей близости к кругам петербургской либеральной бюрократии. Тогда же Академия наук сдает в аренду В. Ф. Коршу «С.-Петербургские ведомости». Газета становится фактически частным изданием, и Корш превращает ее в наиболее распространенную наряду с «Голосом» столичную газету, особенно много занимающуюся земством, судебными учреждениями, финансами, просвещением и т. п.³²

В том же 1863 г. Московский университет передает аренду «Московских ведомостей» М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву, которые становятся хозяевами газеты. К этому же времени относится переход Каткова на позиции крайней дворянской реакции. Он занимает враждебную позицию по отношению к восстанию 1863 г. Его выступления проникнуты национализмом и шовинизмом, клеветой на демократическое движение и передовую литературу. Оценивая политическую позицию Каткова, В. И. Ленин характеризовал его как «верного пса самодержавия».³³

С момента приобретения «Московских ведомостей», Катков постоянно пишет в них передовые статьи, став своего рода специалистом именно в этом жанре газетной публицистики.

В 1863 г. дворянская аристократическая группа предпринимает издание газеты «Весть», выходившей до 1870 г. первоначально еженедельно, а затем чаще. Программа газеты была широкой, но все издание было подчинено одной цели — защите дворянских интересов. Все остальные рассматривались только в соотношении с узко классовыми расчетами помещного дворянства.

С сентября 1863 г. в Москве выходят «Русские ведомости», постепенно сложившиеся в образцовую газету московской либе-

ральной профессуры, ставившей своей задачей пропаганду конституционных преобразований.

К этому следует добавить, что в январе 1862 г. Министерство внутренних дел начало издание ведомственной газеты «Северная почта», публиковавшей информацию, которой пользовалась вся частная печать России. Здесь выходила публицистика, сдержанная по форме, как и приличествовало официальному изданию. «Северная почта» редко вступала в полемику, разве в моменты появления особо острых политических статей. Публиковала реплики или заявления, проясняющие позицию правительства в том или ином вопросе. Газета нередко перепечатывала на своих страницах материалы других изданий, точка зрения которых казалась министерству наиболее приемлемой. При том, что официальное издание ставило себе в первую очередь информационные задачи, оно не может быть выключено из публицистического потока 60-х гг. (В 1869 г. газета переменяла свой ведомственный статус на общеправительственный и стала выходить под названием «Правительственный вестник»).

Названные столичные газеты составили в рассматриваемый период костяк ежедневной прессы, которая постепенно пополнялась другими изданиями, чаще всего недолговечными.

Газеты сильно расширили тематическое разнообразие публицистики, каждый номер ежедневной газеты затрагивал десятки сюжетов внутренней политики.

Журнальная публицистика того времени была очень многопланова. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на роспись содержания любого «толстого» литературно-политического журнала за год и расшифровку содержания его внутренних обозрений, являвших собой особую форму публицистики.

Жизнь общества и публицистика были завязаны неразрывным узлом. «Журналистика живет не в безвоздушном пространстве. Она живет, когда живет общество, и замирает, когда подрезаны корни общества», — заметил Н. К. Михайловский.³⁴

Двусторонняя, прямая и обратная, связь существовала между внутренней политикой и публицистикой. Публицистика чутко улавливала общественные настроения и потребности и выдвигала их в качестве задач внутренней политики. Когда же в правительственных кругах начиналась разработка какого-либо из поставленных ею вопросов, а то и подготовка законопроекта или его обсуждение, публицистика с особой силой начинала обсуждать эту тему, на этот раз уже конкретно, в деталях, пытаясь повлиять на статьи будущего закона. Недаром каждый из издателей, чтобы не оказаться в стороне от событий и не потерять вследствие этого читателей, обычно поддерживал связи с представителями правительственной среды, стремился во-время получить законопроекты, материалы ведомственных или межведомственных комиссий.

Тесная связь проблематики публицистики с событиями внутренней политики была отмечена составителем ведомственного об-

зора состояния русской периодической печати 1862 г. П. И. Капнистом как характерное явление времени: «С самого начала 1862 г. периодическая литература наша обращала особенное внимание на предметы правительственной деятельности и вопросы, вытекавшие из условий общественной жизни. Сочинения чисто литературные не выдвигались на первый план и не возбуждали особенного интереса в читающей публике. Это настроение в литературе замечается отчасти уже в начале нынешнего царствования и преимущественно со времени последовавших в 1857 г. распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости».³⁵ Круг этих ставящихся публицистикой проблем был всегда очень широк. Когда тот же Капнист попытался обозначить «главные предметы» ее рассуждений, то он оказался вынужденным назвать практически все стороны внутренней политики (крестьянский и дворянский вопросы, финансовый и экономический, народное просвещение, цензура, церковный и вероисповедный, национальный, преобразования суда, армии, городского самоуправления, «вопросы общественной жизни», а именно — петербургские пожары, появление прокламаций, заграничная русская пресса).³⁶ Обсуждение вопроса о реформах было в сильной мере стимулировано опубликованной в январе 1862 г. в первом номере «Северной почты» официальной информацией Государственной канцелярии о проектах, разрабатываемых правительственными комиссиями.

И все же, как уже говорилось, каждое время имело «свою» публицистику, главные темы, наиболее приметные дискуссии времени. Попытаемся же охарактеризовать их поэтапно.

Выдающимся публицистическим произведением 1862 г., тогда не увидевшим света, были «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского. Обращенные к царю, они в предельно возможной для подцензурной печати («Современник») форме давали с позиций революционной демократии объяснение современных событий (а это был момент наибольшего накала революционной ситуации: развития крестьянских волнений, студенческого движения, распространения прокламаций)³⁷ и формулировали историческую неизбежность изменения государственного строя. Важнейшим моментом публицистики 1862 г. была начавшаяся в это время полемика либеральной и консервативной печати с Герценом, демократической идеологией вообще. Крупнейшим событием в журналистике этого времени была приостановка двух подцензурных демократических изданий — «Современника» и «Русского слова» и арест Н. Г. Чернышевского. Этим был нанесен тяжелейший удар по демократической журналистике, тем более что в конце 1861 г. умер Н. А. Добролюбов, а в 1862 г. арестован Д. И. Писарев (правда, не переставший писать и в Петропавловской крепости). Словом, лучшие деятели были вырваны из ее рядов.

1863 г. начался восстанием в Польше и западных районах. А потому, отодвигая другие, наиболее острой и специфической проблемой публицистики становится национальный вопрос. Он ста-

вился в разных аспектах. Вопрос о возможности: федеративного устройства страны и сохранении национальными окраинами национального своеобразия, или, напротив, стирания национальных черт; сохранения на окраинах своеобразного государственного национального устройства; употребления в административной практике национального языка. Дискутируются средства «усмирения» окраин: уступка или твердость. Вопрос польский был допущен финляндским, ибо Александр II в своем стремлении не дать восстанию перекинуться в новый район разрешил созыв финского сейма. Это подтолкнуло публицистов к более широкой постановке проблемы, обсуждался, в частности, вопрос о возможностях дарования окраинам некоторых конституционных прав и учреждений.

Утверждение России как монолитного и крепкого монархического государства становится руководящей основой ярой шовинистической проповеди издателя «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Именно отсюда берет начало влияние в правящих сферах М. Н. Каткова, избравшего национальный вопрос основным в своей политической публицистике, надолго определившим лицо его издания. Возобновленные в 1863 г. «Современник» и «Русское слово» оказались в самом сложном положении: правительство особенно строго преследовало статьи по этой теме и им приходилось ограничиваться немногими иносказаниями.³⁸ Но за них в полный голос говорил А. И. Герцен, продолжавший «отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II».³⁹ За статью Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», трактовавшей национальную проблему, был закрыт журнал братьев Достоевских «Время».

Одновременно в 1862—1864 гг. широко дискутируется земская и судебная реформы, к которым русская печать проявляла большой интерес.

Первоначально тема судебной реформы ставилась русской публицистикой в общем виде: какие принципы должны быть положены в основание преобразования судостройства и судопроизводства, каким образцам нужно следовать, что в первую очередь подлежит реформированию. Инициативу обсуждения взял на себя «Морской сборник», в то время одно из наиболее передовых изданий. В нем критикуется сословность и закрытость русского суда, излагаются принципы судостройства в европейских странах, развиваются идеи гласности судопроизводства, независимости суда и судей, равенства граждан перед законом, введения института присяжных заседателей. Поставив эту тему, «Морской сборник» тем самым создал прецедент, позволивший русской публицистике (в частности, «Русскому вестнику») уже в 1857 г. постепенно наращивать рассмотрение этого вопроса.⁴⁰ Редакция «Современника», не имея возможности прямо говорить о характере будущей реформы, поместила статью, анализирующую нынешнее судопроизводство, с указанием его «недостатков».⁴¹ Опубликование в январе 1862 г. информации о разработке судебной реформы, а затем и ее проекта, дали новый толчок обсуждению. Все ведущие газеты и

журналы выступили с пространными сочинениями или заметками, где обсуждались специальные вопросы (мировой суд, устройство нотариата), отдельные статьи проекта, либо такие общие темы, как значение предстоящих судебных преобразований. Министерство юстиции озаботилось сбором всех появлявшихся в то время отзывов и суждений о проекте и сделало их сводку в своем ведомственном издании.⁴² Занимавшиеся историей судебной реформы советские исследователи отразили в своих работах и ход обсуждения этой темы публицистами. Если для либеральной печати судебная реформа, создавшая гласный и состязательный процесс, институт присяжных заседателей, адвокатуру, установившая известную независимость суда от администрации, была предметом восхищения, то демократическая журналистика гораздо более сдержанно оценивала ее, подчеркивая черты «непоследовательности и ограниченности».⁴³

Наряду с преобразованием судебного ведомства реформа местного общественного управления была важнейшей и постоянной темой русской публицистики второй половины XIX в. Среди работ, затрагивающих эту проблему, было бы даже трудно выделить сочинения, посвященные собственно земской реформе. Она оказывалась сцепленной с разными и важными темами и фигурировала во множестве сочинений, на первый взгляд, к земству отношения не имеющих. Земская реформа имела в основе своей принцип общественного самоуправления, и в этой связи была причастна к громадным и сложным темам: бюрократия и общество, управление и самоуправление, централизация и децентрализация. В канун представления комиссией проекта реформы (1862 г.) о земских учреждениях проблема создания в уездах и губерниях учреждений общественного самоуправления рассматривается обычно как часть задачи борьбы с бюрократией, развития общественной самостоятельности и как часть дворянского вопроса. В 1862—1863 гг. особенно широко дискутируется вопрос о представительстве в местном самоуправлении: сословном или имущественном цензе. И в этой связи проблема земского представительства опять оказывается нерасторжимой с основным принципом всей вообще внутренней политики, в основу которой могла быть положена сословность или бессословность (всесословность). Дискуссия о цензе широко велась на страницах «Отечественных записок», «Русского слова», «Дня», «Голоса», «Северной почты», «Нашего времени», «Московских ведомостей» и т. д. Нужно сказать, что преобладали высказывания в пользу всесословности земства, хотя раздавались и голоса в защиту сословности. Либералы ратовали за всесословность, но земельный ценз и в этих условиях обеспечивал помещику дворянству численный перевес.⁴⁴

Земская реформа была тем преобразованием, которое вскоре после его осуществления вызвало появление крупных научно-публицистических произведений, выявивших коренные проблемы, с ней связанные. Это были сочинения А. И. Васильчикова, А. А. Головачева, В. П. Безобразова.⁴⁵ Одной из центральных тем в этих

больших работах оказались отношения между земством и самодержавием, самоуправлением и управлением. Выяснилось, что существуют два понимания возможного существования земства: одно, ратующее за его самостоятельность, независимость от властей, постепенное развитие самоуправления за счет управления (так называемая «общественная» теория самоуправления, представляемая А. И. Васильчиковым, А. И. Кошелевым и др.), и другое — подчинение земства государственной власти (так называемая государственная теория земства, представленная В. П. Безобразовым). Наиболее остро дискутировался вопрос о развитии самоуправления вплоть до народного представительства. Идея всероссийского земского собрания, введения представителей земства в Государственный совет и т. д. постоянно, несмотря на запрещение, выдвигалась русской публицистикой.

На рубеже 60—70-х гг. под новым углом зрения начал обсуждаться публицистикой крестьянский вопрос. Вызвано это было первым после реформы крупным неурожаем в северных областях. Обнаружилось, что достаточно первого локального неурожая, чтобы поставить крестьянство пострадавших губерний на грань голода. Сначала появились статьи в газетах, информирующие о размерах бедствия, ратующие за оказание обществом и государством помощи крестьянству. Вслед за тем стал обсуждаться и более широкий вопрос об итогах крестьянской реформы, тем более, что с момента провозглашения отмены крепостного права прошло 10 лет.⁴⁶ Уже тогда заговорили о тяжести податного положения крестьян, в частности об архаичной подушной подати, взимаемой независимо от доходов крестьянина. Этот сюжет — налоговое обложение крестьянства, его формы и размеры — также занимал публицистов, но особенно остро эта проблема встала в конце 1869 г., когда податная комиссия, в течение десяти лет неторопливо и основательно изучавшая налоговое дело, но совершенно неэффективно его разрабатывавшая, подвела некоторый итог своей деятельности, опубликовав предложения в виде проекта преобразования подушной подати в подворный и поразрядный налоги. Самая установка Податной комиссии сводилась к тому, чтобы, не изменяя ни контингент плательщиков, ни вносимую ими сумму платежей, перевести налог личный (подушный) в реальный. Подушное обложение отвергалось как устаревшее, а наиболее последовательно буржуазный принцип подоходного обложения — как преждевременный. Поскольку предложенная реформа касалась миллионов крестьян и была делом громоздким, правительство решило первоначально обсудить ее целесообразность. К тому же оно стремилось смягчить обострившиеся отношения с земством, показав ему, что самодержавие готово привлечь его к решению больших хозяйственных дел. Поэтому проект податной реформы в 1870 г. был передан на обсуждение земских собраний. Наиболее активная часть общества — земский элемент — оказалась причастной к обсуждению важнейшей государственной проблемы. Многие из земцев (А. И. Кошелев, А. И. Васильчиков, Б. Н. Чичерин) были видными публи-

цистами. Все это помогло выдвинуть податную проблему на первый план в периодической печати. Передавая проект на обсуждение земства, правительство предполагало видеть в нем только экономическую сторону. Однако земства в большинстве своем подошли к налоговому делу как социальному, заговорив о существующем принципе налогообложения — сословном, высказались за его изменение и привлечение к налогообложению и дворянства (на основе обложения налогом доходов). Некоторые из земцев обнажили и политическую сущность проблемы: вытекающую из всесословного налогообложения подконтрольность бюджета, расходов правительства народному представительству. Таким образом, в податном проекте оказались скрытыми несколько острейших социально-политических и экономических сторон.

Все это и обусловило внимание к проекту Министерства финансов и к деятельности земских собраний публицистики разных направлений. Очень внимательно отнеслась к налоговому вопросу демократическая публицистика. В «Отечественных записках» об этом писал Н. А. Демерт.⁴⁷

Н. В. Шелгунов в «Деле» опубликовал по этому поводу обстоятельную и всестороннюю статью. Она шла в нескольких номерах. Публицист исследовал в ней историю подушной подати, сравнивал налогообложение в России с таковым же в европейских странах и, наконец, проанализировал проекты, предложенные земством.

Наиболее остро социально к податной реформе подошел В. В. Бервие-Флеровский, посвятивший деятельности земских собраний одно из внутренних обозрений. Он отметил «настоятельную и крайнюю необходимость» введения подоходного налога, если уж привилегированное меньшинство высказалось за эту форму обложения. Но одновременно он указал, что истинная справедливость заключается не в пропорциональности обложения, а в том, чтобы облегчить «низшим» сословиям его выплату. Выход он видел в том, чтобы зажиточная верхушка облагалась подоходным налогом, а трудовые низы преимущественно косвенными налогами.⁴⁸

Одним из заметных моментов в истории русской публицистики 1874—1875 гг. явилось обсуждение вопроса о возможности для России отказаться от пути буржуазных преобразований, основанных на принципе бессословности, и избрать консервативную программу, основой которой явится принцип сословной исключительности дворянства. Обсуждение это было спровоцировано книгой Р. А. Фадеева «Чем нам быть?»⁴⁹, которая стала появляться в виде отдельных статей на страницах газеты «Русский мир», известной в качестве официоза. Собранные вместе и тут же изданные отдельной книгой статьи эти представляли целостную программу, которая и так обратила бы на себя внимание журналистики, в большинстве своем либеральной, и журналистики демократической тем более, что репутация Фадеева как писателя официозного, отражающего взгляды консервативной группировки в правительстве, возглавляемой шефом жандармов, придавала построениям Фадеева особую значимость. На этот раз за Фадеевым по слухам стоял не

только Шувалов, но и наследник престола, и консервативная программа для ее либеральных противников приобретала вид реальной опасности, тем большей, что ее появлению предшествовал ряд консервативных мер правительства. Это были серия законов начала 70-х гг., стесняющих положение печати, деятельность сельскохозяйственной комиссии 1872—1873 гг., намеревавшейся произвести ревизию реформы 1861 г., рескрипт 25 декабря 1873 г. о введении контроля предводителей дворянства над народными школами.

Причины особого внимания публицистики к книге Фадеева хорошо объяснил К. Д. Кавелин, написавший, что книга Фадеева имеет вид подготовительного мероприятия к проведению правительственной программы.⁵⁰

Кавелин был совершенно прав, говоря, что консервативная партия в обществе и правительстве значительно оживилась после 1866 г. Усиление ее в правительстве было связано с приходом нового шефа жандармов П. А. Шувалова, министра просвещения Д. А. Толстого, министра юстиции К. И. Палена, позже министра внутренних дел А. Е. Тимашева, противников каких бы то ни было ограничений прав дворянства. Шувалов в начале 1874 г. считался наиболее влиятельной фигурой, а значит программа, за которой он стоял, могла быть осуществленной.

К чему вкратце сводилась предлагаемая Фадеевым консервативная программа? Она была выдвинута им как противовес возможному революционному развитию событий. Фадеев указывал на распространение в России чуждых ей социалистических идей, привнесенных из Европы, и видел их опасность не в том, что они органичны для России и потому могут привести к социальному перевороту, а в том, что этим идеям не противостоит ни целостная сдерживающая программа, ни тем более стойкая социальная организация. К чему может привести развитие событий социальной революции, показали события Парижской коммуны, названные им «прорывом черни» наверх. Для того чтобы не допустить этого, нужно объединение сословий на консервативной основе, которое даст государству политическую устойчивость. Роль сплачивающего, руководящего политического элемента в России исторически может сыграть только дворянство с его экономическим могуществом, образованием, умением руководить, приобретенным за долгий период. Задача состояла в том, чтобы само дворянство осознало свою роль, окрепло, выбрало очень ограниченный новый, буржуазный элемент, приобрело новые права и стало так называемым культурным слоем, т. е. первенствующим политическим сословием. Дворянству, согласно Фадееву, следует предоставить, в соответствии с его сословным и имущественным цензом, максимальные права в местном самоуправлении, сделать поместное дворянство в земстве преобладающим, в результате чего и будет обеспечено нравственное и политическое влияние консервативного поместного дворянства на население волости, уезда, губернии. Во главе волости должен был стать помещик — волостной попечитель,

он же — мировой судья. Предлагалось увеличить значение губернского предводителя дворянства, сделав его главным ходатаем не только по делам дворянства, но и по всем делам губернского земства. Кроме того, губернский предводитель должен обладать правом совещательного голоса в правительственной среде, т. е. участвовать в законодательстве и управлении.

В этом случае, по Фадееву, несущее общественную и политическую миссию поместное дворянство, в известной мере подменяющее бюрократию, сможет противопоставить демократическим и социалистическим идеям и движению масс свою идеологическую платформу и организованное влияние, будет гасить на местах демократическое движение.

Несмотря на то что одновременно с выходом книги Фадеева последовала отставка Шувалова, и тем самым вопрос об осуществлении консервативной правительственной программы стал проблематичным, на эту книгу отозвались представители и выразители всех течений русской общественной мысли, причем все ее единодушно отвергли.

Так, «Неделя», в то время издание с демократическими тенденциями, раскритиковала построения Фадеева, указав на то, что предложенное автором решение проблемы «обрекает народ на неподвижность». Автор статьи противопоставил доктрине Фадеева идею развития народных масс до уровня «культурных» классов, что, разумеется, возможно лишь при признании сословного равноправия.

С позиций либерального западничества Фадееву отвечал Л. А. Полонский, обозреватель «Вестника Европы», давно ведшего полемику с Фадеевым. Полонский отверг планы Фадеева, как олигархические, сводящиеся к узурпации политических прав небольшой группой людей.⁵¹

Ему вторил А. С. Суворин, в ту пору не чуждый демократических настроений. В «Петербургских ведомостях», он не без иронии объявил автором книги Фадеева генерала Ратмирова (персонаж из тургеневского романа «Дым»), скрывшегося якобы под псевдонимом Фадеев. Тем самым Суворин дал самой широкой публике представление о содержании этой программы как принадлежащей замкнутому аристократическому придворному кружку.⁵²

Славянофилы, не имевшие в то время своего общественно-политического издания, отвечали Фадееву в сочинениях, вышедших за границей. Это были Ю. Ф. Самарин и А. И. Кошелев. Для них рассуждения Фадеева били по одному из их главных принципов — бессословности. И если для Фадеева земская дума должна была стать дворянской, ибо земству предстояло сильное «одворянивание», то для них она была средоточием всех сословий, средством единения нации, выражения «народного» мнения. Кошелев дважды возвращался к работе Фадеева, для славянофилов категорически неприемлемой.⁵³ Ю. Ф. Самарин поместил свою критику проекта Фадеева под одной обложкой с работой Ф. М. Дмитриева, разбиравшего идею всесословной волости. Дело в том, что осуществ-

вление проекта вссословной волости, объединяющей в своих территориально-административных границах помещиков и крестьян, но предводительствуемой не просто выборным лицом, но выборным лицом из помещиков, была неотъемлемой частью программы Фадеева и планы ее создания в это время усиленно разрабатывались.⁵⁴

Позиция Фадеева вызвала неодобрительную реакцию в либерально настроенных кругах. К. Д. Кавелин, видный деятель русского либерализма, сторонник проведения реформ в духе буржуазных преобразований России, и в этом смысле единомышленник Д. А. Милютин, издал за границей свой ответ Фадееву, содержащий критику олигархических устремлений русской аристократии.⁵⁵

С возражениями Фадееву выступили представители помещичье-консервативного лагеря, в частности кн. В. П. Мещерский. Он отвергал план Фадеева, поскольку в нем не находили поддержку идеи о возвращении к прошлому, к дореформенным патриархальным порядкам. Фадеев конструировал будущее, в котором его классу обеспечено преуспеяние, но будущее, опирающееся на настоящее. Мещерский же скорбел об утраченном, и вообще был против каких-либо перемен, даже таких консервативных, какие предлагал Фадеев, а считал, что уповать можно лишь на новое поколение молодежи, воспитанное в консервативном духе.⁵⁶

Дискуссия вокруг программы Фадеева, выводящая ее значение в ранг крупного события общественной борьбы, состоит в том, что это была дискуссия по самому принципиальному вопросу — о путях развития России, о практической программе действий.

Все высказывавшиеся о книге Фадеева в той или иной форме говорили о связи этой идеологической платформы с планами правительственных кругов. Правительство, встретив единодушную критику проекта Фадеева, решило от него отмежеваться.

В конце 1875 г. под псевдонимом «Русский» министр государственных имуществ П. А. Валуев, лицо, близкое к консервативным планам Шувалова, и из всех министров Александра II наиболее способный к литературной деятельности, издал свое сочинение. Оно было призвано дискредитировать работы русских публицистов, печатавшихся за границей, и опровергнуть бесспорный факт взаимосвязи программ Фадеева и планов правительственной группировки.⁵⁷ Выступление Валуева было уязвимо по его позиции, но характерен самый факт необходимости для русского правительства прибегать к публицистике, к зарубежным типографиям и издательствам, пользоваться теми же приемами, что и общественное мнение.

С 1875 г. внимание публицистики все больше переключается на внешнеполитические события: в этом году вспыхивают крупные волнения в Боснии и Герцеговине, в апреле 1876 г. — в Болгарии, летом этого же года войну Турции объявляют Сербия и Черногория. Славянские народы Балканского полуострова, томившиеся под гнетом Турции, начинают борьбу за национальное освобождение.

Проблема отношений России с братскими славянскими народами не была новой для русской публицистики.⁵⁸ Теперь же, когда национально-освободительная борьба приняла столь острые политические формы, русское общественное мнение должно было определить свою позицию к этим важным событиям. Русское правительство, считавшее Россию в военном и финансовом отношениях к войне не готовой, долгое время занимало сдержанную позицию, считаясь с союзническими и вообще заинтересованными европейскими странами (Англией, Австро-Венгрией, Германией, Францией), действуя с ними согласно, и пытаясь решить вопрос дипломатическим путем. Поэтому долгое время правительство ограничивалось информацией, а параллельно и наказанием частных газет за обсуждение проблем взаимоотношений России с Турцией и европейскими державами (в какой мере Россия должна считаться с мнением европейских держав или престиж великой державы принуждает ее действовать самостоятельно, вопрос о дипломатических или военных средствах помощи и т. д.).

Русское общество гораздо быстрее откликнулось на балканские события активными действиями, нежели русское правительство: в середине 1876 г. на Балканы направлялись первые добровольцы.

Русская печать, с большой симпатией относившаяся к освободительному движению болгар, сербов и других народов, по-разному смотрела на военное вступление России в конфликт. Несмотря на запрещение касаться вопроса об участии России в войне, она начала усиленно обсуждать именно эту тему.⁵⁹

Особенно много занималась в это время внешнеполитическими, военными и славянскими вопросами газетная публицистика, меньше — журнальная. Это не значило, что она сняла обсуждение внутриполитических проблем, просто их обсуждение было сильно приглушено и отодвинуто событиями войны. Между тем именно в период, предшествовавший войне, и в ее ходе начинают появляться крупные публицистические работы по крестьянскому вопросу, обсуждение которых в период 1876—1878 гг. только началось и сильно разгорелось несколько позже. Их появление связано было с двумя обстоятельствами: тревогой за ухудшение положения деревни и наличием первых официальных систематизированных материалов по аграрному вопросу. Их опубликовало Министерство государственных имуществ, курировавшее деятельность сельскохозяйственной комиссии 1872—1873 гг. под председательством П. А. Валуева. Были изданы пять больших томов материалов, куда вошли как статистические материалы, так и сводки мнений разных лиц (но преимущественно помещиков) по различным отраслям сельскохозяйственного производства. Это позволяло строить уже аргументированные общие выводы о состоянии сельского хозяйства по России в целом, и выносить конкретные предложения. В числе лиц, призванных в комиссию П. А. Валуева в качестве экспертов, были, в частности, кн. А. И. Васильчиков и Э. Ю. Янсон. Именно они-то и воспользовались материалами комиссии для того, чтобы поставить несколько самых общих вопросов о причинах

неудовлетворительного положения деревни. А. И. Васильчиков опубликовал двухтомное сочинение по аграрному вопросу.⁶⁰ И, поскольку одной из его аграрных идей была организация сельскохозяйственного кредита, работу о таковом⁶¹ — книгу Васильчикова — К. Д. Кавелин считал очень важной, но недостаточно оцененной в тот момент, ибо «внимание русского общества поглощено исключительно ходом восточных дел».⁶²

Почти одновременно появляется и книга Ю. Э. Янсона,⁶³ ставшая наряду с сочинением Васильчикова одной из наиболее часто упоминаемых в полемике по аграрному вопросу. Эта работа нашла своих почитателей в правительственных кругах. А. В. Головин, получивший книгу Янсона от Стасюлевича, писал ему 14 апреля 1877 г.: «Я не мог оторваться от нее и рекомендовал восьми приятелям. Если б я был в числе лиц „власть имеющих“, то тотчас же пригласил бы автора к государственной деятельности, или открыл бы ему архивы, доставив средства для найма второстепенных деятелей».⁶⁴

В это же время, опять-таки в прямой связи с деятельностью валуевской комиссии и ее материалами, начинают появляться и сочинения по русской общине.⁶⁵

Особый этап в развитии русской публицистики составляет конец 70-х — начало 80-х гг., период, вошедший в историю как время второй революционной ситуации. Ее развитию в значительной степени способствовала война, тяжестью своей легшая на русское крестьянство. Война принесла дефицит, падение курса рубля, безработицу, расстройство сельского хозяйства. Итогом этого явилось брожение крестьян, распространение слухов о предстоящем переделе помещичьих земель, а следствием растущего недовольства деревни — и активизация деятельности революционных народников, которым удалось создать сильную организацию, сумевшую наладить издание не только отдельных прокламаций и брошюр, но и периодики.

Развитие событий привело правительство в состояние неуверенности, растерянности и колебаний, размышлений об уступках. Наиболее отчетливо идея уступки выразилась в политике М. Т. Лорис-Меликова, возглавлявшего внутреннюю политику в 1880 — начале 1881 гг.

В конце семидесятых годов все классы страны находились в состоянии возбуждения. Публицистика, чутко реагирующая на общественные настроения, немедленно активизировалась, быстро переключилась на внутриполитические темы. Приближавшееся двадцатилетие начала буржуазных реформ и двадцатипятилетие царствования Александра II подталкивали ее к подведению четвертьвековых итогов развития России. «Вообще печать в последнее время, — доносил 12 октября 1878 г. царю помощник шефа жандармов, — хотя сдержанно, но чаще и многосторонне, проводит антиправительственные идеи: „Новое время“, „Русский мир“, „С.-Петербургские ведомости“, „Новости“ и некоторые другие постоянно возбуждают самые жизненные государственные вопросы

(ныне с особым жаром — финансовый), и обсуждение газет постоянно направлено к порицанию таких предположений, на коих правительство даже еще само не остановилось, например, о налогах». ⁶⁶ Подчеркнем, что оценка эта была дана печати в самом начале складывания революционной ситуации.

Времени общественного подъема свойственно расширение числа общественно-политической периодики как ответ на возросшие потребности читателей. Так было и в период второй революционной ситуации. Демократическая журналистика («Дело», «Отечественные записки») пополнилась изданиями этого же направления: журналами «Слово» (1878—1881 гг.) и «Русское богатство» (1880—1918 гг.), газетой «Русская правда» (1878—1880 гг.). Расширился круг читателей демократических изданий, увеличилось их влияние, особенно среди учащейся молодежи.

Все то, что не могла открыто сказать подцензурная демократическая печать, теперь дополнялось народнической и народовольческой подпольной литературой, в том числе газетами «Земля и воля», «Народная воля». Эти печатавшиеся в России издания освещали тему, бывшую под полным запретом: революционную борьбу народников, их цели и программу, отношение к политике правительства. Во множестве издаются революционерами и распространяются специальные издания для народа, преимущественно для крестьянства. ⁶⁷

Правительство пытается поддержать престиж правительственной политики публицистикой официозов — «Отголосков» (1879—1881 гг.) и «Берега» (1880 г.).

Перед русским общественным мнением встает множество проблем: экономических, социальных, общественно-политических, государственного строительства. Но, по единодушному признанию исследователей, как и двадцать лет назад, ключевым экономическим вопросом становится аграрный, а социальным — крестьянский. Им — в разных аспектах — занимается вся публицистика, демократическая особенно интенсивно. ⁶⁸

Бедственное положение крестьянства, причины его, меры возможного облегчения — вот примерный круг тем демократической журналистики. Оживляется интерес к роли общины. Важной чертой демократической публицистики этого времени было отстаивание ею тезиса о праве крестьянина на землю, увязывания решения задачи ликвидации малоземелья крестьян с урезыванием помещичьего землевладения.

Внимание демократической публицистики крестьянство привлекало с точки зрения защиты интересов «мужика», либеральной — с точки зрения устранения огромной социальной опасности для господствующих классов. ⁶⁹

Важнейшей темой публицистики в это время становятся государственные преобразования, вопросы общегосударственного устройства — тема злободневная и острая, постоянно находящаяся под пристальным надзором цензуры. Поэтому публицисты в большинстве своем были вынуждены прибегать лишь к самым общим

замечаниям, призывая правительство к «увенчанию здания», введению «организованных форм» общественного мнения и общественного содействия, развитию самоуправления и повышенному вниманию к истории конституционных форм европейских государств. Наиболее прямо можно было говорить об этом в заграничных или подпольных изданиях. А. И. Кошелев печатает за границей новую свою брошюру,⁷⁰ где выдвигает идею созыва Земского собора или земской думы, отсылая читателя за подробной аргументацией в ее пользу к своей прежней работе «Общая земская дума в России».

Идея необходимости государственного переустройства на началах представительства настолько прочитывалась сквозь строки публицистики, что М. Т. Лорис-Меликов, 6 сентября 1880 г. сразу после назначения его министром внутренних дел, а следовательно, и лицом, ответственным за печать, созвал редакторов и, развернув перед ними программу правительства на ближайшие 5—7 лет, разрешил печатать материалы по всем вопросам внутренней политики, в том числе и «обсуждать различные мероприятия, постановления, распоряжения правительства», но с условием, «чтобы они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении, в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних земских соборов».⁷¹

В тот же день за подписью Лорис-Меликова цензурным комитетам рассылается предписание, гласившее: «С 1873 г. Главное управление по делам печати неоднократно приглашало гг. редакторов бесцензурных повременных изданий воздерживаться от печатания статей о земском соборе и всяких вообще намеков на изменение нашего государственного строя, причем всякий раз было объявляемо, что такова высочайшая воля государя императора. Между тем, несмотря на это и не довольствуясь предоставленною в последнее время печати свободой для обсуждения нужд и потребностей нашего отечества, редакции газет и журналов продолжают настойчивее, чем когда-нибудь проводить мысли о необходимости созыва земского собора, об учреждении центрального земства и вообще об изменении нашего государственного строя в смысле введения представительного образа правления».⁷² Далее следовало требование о напоминании редакторам о необходимости выполнения этого предписания под угрозой запрещения выпуска в свет журналов и газет на срок до трех месяцев.

Проблема государственного устройства ставилась печатью в самом общем виде: как необходимость его реорганизации на началах представительства. Дискутировалась проблема преимуществ самодержавия и представительства, причем апологеты самодержавия, например П. П. Цитович в «Береге»,⁷³ имели возможность разворачивать свою аргументацию гораздо свободнее, нежели сторонники ограничения самодержавия. Обсуждались вопросы прав представительства (западнический, конституционный вариант законода-

тельных прав представительного учреждения, и славянофильский вариант законосовещательного земского собора). Ставились очень общо и вопросы координации деятельности министерств и ведомств с помощью высшего государственного учреждения, несущего функции «кабинета», и ответственности министров.

В наиболее трудном положении находились — особенно когда речь шла о запретных темах государственного устройства — демократические журналы. Как показывают письма М. Е. Салтыкова-Щедрина конца 70-х — начала 80-х гг., каждая книжка «Отечественных записок» проходила строгую самоцензуру, чтобы заранее отвести материалы, могущие заведомо поставить журнал под репрессии. И тем не менее после этого цензурное ведомство изымало из номеров еще часть материалов, казалось бы, никак не нарушающих существующие законы и распоряжения о печати. Демократической журналистике приходилось быть предельно изобретательной, чтобы дать читателю понять свои взгляды на наиболее справедливые принципы социального и государственного устройства. Публицисты «Отечественных записок» и «Дела» пользовались малейшей возможностью, чтобы высказаться по этим животрепещущим вопросам. Так, один из сотрудников «Отечественных записок» Н. Ф. Анненский, ознакомившийся в немецком оригинале с книжкой Ф. Гольцендорфа «Роль общественного мнения в государственной жизни» поспешил перевести ее на русский язык (СПб., 1881), а другой сотрудник журнала немедленно поместил на нее рецензию.⁷⁴

В небольшой заметке рецензент сумел поставить много проблем, противопоставить точку зрения автора книги позиции правой прессы и высказать свое собственное мнение. Сказав, что ныне в России самым «настоятельнейшим» является вопрос о «степени должного и необходимого участия общества в государственной жизни» и что книга Гольцендорфа появилась очень кстати, он выразил убеждение, что существование в России общественного мнения не требует доказательств, ибо «самая страстность и запальчивость, с которой его отрицают те, которым это приятно или выгодно, показывает его реальность и серьезность». Для редакции «Отечественных записок» было бесспорно право русского общества на свободное выражение своего мнения в то время, когда оно было этого права лишено, причем выражение в самых разных формах, в том числе и в форме общенационального представительства.

Рецензент выразил свое несогласие с либеральной трактовкой Гольцендорфом права на выражение общественного мнения лишь образованной верхушкой, осудив это социальное высокомерие, и дал демократическую трактовку такого права: обязанность государства дать «полную самостоятельность» и «совершенное самоопределение» обществу и мнению, в том числе и мнению низов, ибо «каждый — лучший судья своих собственных нужд и потребностей».

Проекты совещательного представительства, предложенные М. Т. Лорис-Меликовым в 1881 г. и Н. П. Игнатьевым в 1882 г.,

были результатом давления на правительство всех оппозиционных сил и прежде всего ориентировавшихся на крестьянство революционных народников. Разгром правительством организации народолюбцев и «успокоение» деревни серией аграрных реформ лишили общественное движение его главных сил. Планы преобразования государственного строя в правительственных кругах были немедленно отставлены, а для публицистики установлен более жесткий режим, при котором обсуждение этой проблемы было еще более затруднено. «Второй раз, после освобождения крестьян, — писал В. И. Ленин, — волна революционного приюба была отбита...».⁷⁵

В истории России вследствие этого начался новый этап, со своими особенностями его внутренней политики, общественного движения, журналистики и публицистики. Этот период вошел в историографию как время «контрреформ», попыток самодержавия упрочить свою социальную базу путем усиления принципа сословности, укрепления роли поместного дворянства. В связи с этим перед разными направлениями русской публицистики встали и новые задачи. Самые направления ее претерпели сильные изменения: демократической публицистике был нанесен огромный урон закрытием «Отечественных записок», часть ее под влиянием общественного спада эволюционировала в сторону либерализма; либеральная публицистика умерила тон и говорила не о движении вперед, но хотя бы о недопущении ревизии буржуазных преобразований 60-х гг.; упрочиваются позиции консервативной публицистики. Однако сильное развитие публицистики пореформенного двадцатилетия создало такие базу, опыт, традиции, что полностью разрушить или предать их забвению оказалось невозможным: публицистика последней четверти XIX в. явилась во многом преемницей наследия 60—70-х гг.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

² Современник, 1861, № 6, отд. II, с. 452.

³ Русское слово, 1861, № 5, отд. II, с. 61.

⁴ Современник, 1863, № 1/2, отд. II, с. 85.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258—259.

⁶ Там же, т. 23, с. 113; т. 36, с. 206.

⁷ Современник, 1859, № 5, отд. III, с. 28—58.

⁸ Там же, 1858, № 2, отд. I, с. 393—441.

⁹ Там же, 1859, № 1, с. 1—74.

¹⁰ Там же, № 10, с. 1—30.

¹¹ Там же, 1858, № 12, отд. I, с. 575—614.

¹² Там же, № 10, отд. II, с. 121—154.

¹³ Там же, 1859, отд. III, с. 59—98.

¹⁴ Там же, № 7, отд. III, с. 17—78; 1860, № 10, отд. III, с. 233—292.

¹⁵ Добролюбов Н. А. Избранное. М., 1984, с. 147—148.

¹⁶ См., например: Сикорский Н. М. Журнал «Современник» и крестьянская реформа 1861 г. М., 1957, с. 8—122; Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, с. 115—134; Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1962, с. 49—86; Кузнецов Ф. Журнал «Русское слово». М., 1965, с. 63—90; Варустин Л. Э. Журнал «Русское слово» 1859—1866. Л., 1966, с. 20—82; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968, с. 101—108; и др.

¹⁷ См.: *Дудзинская Е. А.* Крестьянский вопрос в русской журналистике накануне реформы 1861 г.: Тезисы доклада на XVII аграрном симпозиуме. Ростов/Дон, 1978, с. 134—138.

¹⁸ См. например: *Скалдин* (Еленев Ф. П.). В захолустьи и в столице. СПб., 1870. 453 с.; *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: В 2-х т. СПб., 1876. 1008 с.; *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 11 писем. СПб., 1882. 495 с.

¹⁹ Подробно о дворянских собраниях этого периода см.: *Сладкевич Н. Г.* Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861—1862 гг. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М. В. Печкиной. М., 1976, с. 107—114.

²⁰ День, 1861, 2 и 9 декабря.

²¹ *Безобразов Н. А.* Предложения дворянству. Берлин, 1862. 123 с.; *Кавелин К. Д.* Дворянство и освобождение крестьян. Берлин, 1862. 68 с.; *Кошелев А. И.* 1) Какой исход для России из нынешнего ее положения. Лейпциг, 1862, 188 с.; 2) Конституция, самодержавие и земская дума. Лейпциг, 1862. 60 с.; *Чичерин Б. Н.* Несколько современных вопросов. М., 1862, с. 87—132.

²² Северная почта, 1862, 13 и 17 января.

²³ *Казанцев Б. Н.* Рабочий вопрос в России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. и либералы-экономисты. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970, с. 90—100.

²⁴ *де-Молinari Г.* Вопрос о рабочих. — Русский вестник, 1864, март, с. 328—360.

²⁵ *Безобразов В. П.* Село Иваново. Общественно-физиологический очерк. — Отечественные записки, 1864, № 1 (т. 154), с. 266—304.

²⁶ *Цыбенко В. А.* Освещение рабочего вопроса в журнале «Русское слово». — Вестник МГУ, журналистика, 1966, № 5, с. 36—45; *Сельчук В. В.* Рабочий вопрос в России в публицистике 60-х годов XIX в. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 224—239.

²⁷ *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово»... с. 172.

²⁸ Голоса из России. Лондон, 1856, вып. 1, с. 83—98.

²⁹ *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х—начала 1860-х годов. М., 1974, с. 32, 76, 106—108.

³⁰ *Чернышевский Н. Г.* Письма без адреса. М., 1983, с. 492—497.

³¹ *Порож В. И. И. С. Аксаков* — редактор «Дня». — В кн.: Освободительное движение в России. Саратов, 1975, вып. 5, с. 101—111. О публицистике И. С. Аксакова см.: *Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков* в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. 264 с.

³² *Степанов А. Н.* Газета А. А. Краевского «Голос» (1863—1883). — В кн.: Журналистика и литература. М., 1972, с. 138—148; *Рейфман Л. С.* К проблеме эволюции либеральной журналистики в 1860-е гг. («С.-Петербургские ведомости». 1863—1874 гг.). — Учен. зап. Тартус. ун-та. 1975, вып. 369, с. 68—85.

³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 250.

³⁴ Отечественные записки, 1871, № 4, с. 233.

³⁵ Краткое обозрение направления периодических изданий и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 г. СПб., 1862, с. 1.

³⁶ Там же, с. 87.

³⁷ «Как только мысли, печатаемые за границей, начинают осуществляться, им нужна родная почва. . . Заводите типографии!» — призывал в это время А. И. Герцен (Колокол, 1861, л. 105, 15 августа, с. 877).

³⁸ *Евгеньев-Максимов В., Тизенгаузен Г.* Последние годы «Современника». 1863—1866. Л., 1939, с. 29—47.

³⁹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 21, с. 260.

⁴⁰ *Днепров Э. Д.* «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России. — В кн.: Революционная ситуация в России. . . , с. 248—252.

⁴¹ *Филиппов М. А.* Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство. — Современник, 1859, № 1, 3, 4, 7 и 8.

- ⁴² *Василевский А.* Отзывы русских журналов и газет о судебной реформе. — Журнал Министерства юстиции, 1863, февраль, с. 365—422.
- ⁴³ *Афанасьев А. К.* Пресса 1862—1866 гг. о введении суда присяжных в России. — В кн.: Проблемы истории. М., 1978, с. 72—84; *Виленский Б. В.* 1) Революционная демократия в борьбе против судебной системы царизма. — В кн.: Революционная ситуация в России. . . , с. 224—236; 2) Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. 400 с.
- ⁴⁴ *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957, с. 5—129.
- ⁴⁵ *Васильчиков А. А.* Самоуправления: В 2-х т. СПб., 1872, т. 1. 460 с.; 1873, т. 2. 545 с.; *Головачев А. А.* Десять лет реформ. СПб., 1871. 398 с.; *Безобразов В. П.* Земские учреждения и самоуправление. М., 1874. 52 с.
- ⁴⁶ *П. Л.* Земля и воля. СПб., 1868. 239 с.; Необходимое изменение в нашей крестьянской реформе. Посвящается русскому дворянству. Берлин, 1869. 31 с.; *Европеец.* Молодая Россия. Штуттгарт, 1871. 149 с.; *Головачев А. А.* Десять лет реформ. 1861—1871. СПб., 1872. 398 с.
- ⁴⁷ Подробно см.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978, с. 211—228; *Будников В. А.* Податной вопрос в русской либеральной публицистике 70-х годов XIX века (по материалам журнала «Вестник Европы»). — Вестник ЛГУ, 1980, № 4, с. 26—30; Отечественные записки, 1871, февраль, с. 238—242; октябрь, с. 332—353.
- ⁴⁸ *Навалихин Н.* (Берви-Флеровский В. В.). Внутреннее обозрение. — Дело, 1871 г., июль, с. 129—158.
- ⁴⁹ *Фадеев Р.* Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?). СПб., 1874. 250 с.
- ⁵⁰ *Кавелин К. Д.* Соч., СПб., 1898, т. 2, стлб. 875.
- ⁵¹ Вестник Европы, 1875, январь, с. 371—403.
- ⁵² *Суворин А. С.* Очерки и картинки. СПб., 1875, кн. 2, с. 106—107.
- ⁵³ *Кошелев А.* 1) Об общинном землевладении в России. Берлин, 1875. 118 с.; 2) Общая земская дума в России. Берлин, 1875. VIII+106 с.
- ⁵⁴ *Самарин Ю., Дмитриев Ф.* Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предложения петербургских дворян об организации всесословной волости. Берлин, 1875. 145 с.
- ⁵⁵ Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир» в двух письмах. Берлин, 1875. 87 с.
- ⁵⁶ *Мещерский В. П.* Речи консерватора. СПб., 1876. 40+178+172 с.
- ⁵⁷ *Русский.* Русские заграничные публицисты. Берлин, 1876. 27 с.
- ⁵⁸ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 183—259.
- ⁵⁹ См.: *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, с. 92; Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981, с. 115.
- ⁶⁰ *Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России. . .
- ⁶¹ *Васильчиков А. И., Яковлев А. В.* Мелкий земельный кредит в России. СПб., 1876. 2+112 с.
- ⁶² *Кавелин К. Д.* Соч., СПб., 1898, т. 2, с. 325.
- ⁶³ *Янсон Ю.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. 193 с.
- ⁶⁴ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911, т. 1, с. 513.
- ⁶⁵ *Посников А.* Общинное землевладение. Одесса, 1878, вып. 1—2; *Ковалевский М.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, ч. 1. 247 с.
- ⁶⁶ Красный архив, 1931, т. 6 (49), с. 131.
- ⁶⁷ Подробно см.: *Вазрушев И. С.* Очерки истории революционно-демократической печати 1873—1886 годов. Саратов, 1880, с. 110—182. См. также далее — ст. И. А. Альтмана.
- ⁶⁸ См.: *Серебренникова В. Г.* Демократическая журналистика периода второй революционной ситуации. — В кн.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, с. 344—365; *Твардовская В. А.* Демократическая журналистика. — В кн.: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983, с. 390—425.

⁶⁹ *Алабаев А. А.* Аграрный вопрос в журнале «Вестник Европы». 1878—1882 гг. — В кн.: Вторая революционная ситуация в России: Отклики на страницах прессы. М., 1981, с. 35—57.

⁷⁰ *Кошелев А. И.* Что же теперь делать? Берлин, 1879. 71 с.

⁷¹ Отечественные записки, 1880, сентябрь, с. 140—141.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 6, д. 392, л. 7—7об.

⁷³ Россия во второй революционной ситуации... с. 107.

⁷⁴ Отечественные записки, 1881, апрель, отд. II, с. 221—226.

⁷⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 45.